

Глава первая

Альфа из Семерых стоит в каменной скорлупе алькова — хрупкой темнице, выточенной скорбью и быстрыми каменными слезами — застывающими, удушающими.

Тысячу лет он с братьями и сестрами обитает в своих покоях. Они закоснели, взгляды их обратились внутрь — и с каждым днем все сильнее отдаляются от человечества. Так было не всегда.

Однажды, когда впервые проснулся Разлом, они отправили свою сестру, Гамму, на помощь людям. Настало ее время сиять, исполнить волю создателя и принести славную победу в битве против инфернала.

Но славы она не стяжала. Лишь смерть.

Когда Гамма не вернулась, Семеро вновь плакали, проливая слезы над ее оборвавшейся жизнью, которая должна была длиться вечно.

А когда некий странник вернул живой меч Гаммы, то реликвия уже не была прежней. Они предложили клинку упокоиться рядом с ними, но меч их отверг. Меч их осудил.

И они удалились от боли и скорби и вернулись в убежище памяти.

Прошли годы, и Разлом породил новую угрозу.
Семеро отвернулись.

Меч Гаммы отважился вновь появиться в мире.

В этот раз его принесла девочка, и там, где мужчина промолчал, ей было что сказать.

Альфа помнит ее слова. Колющие, волнующие, превращающие скорбь в злость, бездействие в действие. Заключенная в этих словах ярость заставляет его содрогнуться. Каменная скорлупа расходитя трещинами. Падают каменные осколки, подобно распадающейся мозаике, где каждый кусочек обнажает искру серебра, намекающую на сущность облика, скрытого внутри. Расправляются крылья: Альфа, сияя, выходит из алькова, и с него каскадом слетают камни, а пыль образует вокруг ореол.

Его сущность вспыхивает жизнью, следом — сущности его братьев и сестер. Они медленно, неохотно просыпаются. Вынужденно, но нерешительно, с любопытством и опаской.

У Альфы небесно-голубые глаза. Он смотрит на каждый альков, на братьев, Бету и Эпсилона, на сестер, Дельту, Тету и Эту. Расправляются серебряные крылья, слетает каменная крошка, обнажая сияющие тела. Осколки облаком висают над землей. Взмах крыла, еще один, и облако рассеивается.

Долгое время они смотрят друг на друга. Оседает пыль, начинают формироваться мысли. Затем, один за другим, они выступают из альковов и присоединяются к Альфе в центре зала.

Шесть совершенных фигур из металла собираются в круг. Их голоса, гармонично переплетаясь друг с

другом, создают музыку. Медленно поют о том, что произошло, пока они спали, о том, что пошло не так, и принимаются обсуждать, что нужно сделать и скольким придется погибнуть.

Недалеко от святилища нервно топчется Веспер: в волосы ей вплетаются перья, и она недовольно дергается.

— Это правда так необходимо?

В ответ на ее вопрос руки замирают, а три пары глаз устремляются к другому лицу в комнате, наделенному властью.

За теми, кто наряжает Веспер, наблюдает Покорность, единственный человек, которому дозволено входить в святилище Семи. Она облачена в плащ из перьев, ее кожа лишена волос, ее пальцы — ногтей, а ее тело и жизнь посвящены служению. Голос Покорности способен успокаивать бессмертных, и с Веспер проблем не возникает.

— Ты не одобряешь?

— Не в этом дело, — отвечает Веспер. — Уверена, оно смотрится... мило. Но это не я. Я думаю, они должны видеть меня такой, какая я есть.

— Думаешь, тебя определяет твоя внешность?

Веспер задумчиво расчесывает тонкие белые шрамы на щеке.

— Нет.

— Тогда предстань перед ними как предводительница. Ты — избранница Семи, Хранительница меча Гаммы. Нашим проводником в новую эру станет твой голос. Изменения пугают, и народ Сияющего Града должен в тебя

поверить. Это,— указывает она на одеяние Веспер,— облегчит им задачу.

Веспер пожимает плечами, Покорность кивает, и команда возвращается к работе.

Внесены коррективы, учтены мелкие детали. Ее длинный плащ расправлен, пластины на плечах отполированы. Сапоги Веспер добавляют пару десятков сантиметров к ее росту, прическа — еще больше. Она не чувствует себя выше ни на сантиметр.

— Готова? — спрашивает Покорность.

Не готова.

— Да,— отвечает Веспер, поднимая меч и вешая его за спину.

Покорность улыбается, что происходит редко.

— Прекрасно. Пора.

Они собираются вокруг ведущих к святилищу Семерых ступеней. На церемонию приветствия вернувшейся Хранительницы пришли многие тысячи. Первые лица Сияющего Града и гордые подданные Империи Крылатого Ока. Рыцари-сеафимы в сияющей броне, идеально ровные шеренги солдат и горожане в одинаковых скромных одеяниях и с одинаковыми мыслями. Явились даже дети, выстроенные в синхронизированные и молчаливые хоры.

У широких серебряных ступеней колышется живое море людей. Ослепительный монумент бесшовного металла в пятнадцать метров высотой обрывается высоко в воздухе. Оставшиеся десять метров пространства отделяют ступени от огромного парящего куба с

совершенно ровными гранями — самого святилища, медленно вращающегося на оси, подвешенного над землей силами, природа которых никому более не ясна.

В основании куба открывается маленький проход, обрамляющий две фигуры внутри.

Далеко внизу собравшиеся почтительно склоняют головы, а рыцари салютуют поющими мечами.

Одна из фигур, Покорность, выходит вперед, нащупывает опору в воздухе и начинает спускаться, несомая любовью Семи. Это ее ежедневное испытание веры. Вторая, Веспер, обнажает меч и выставляет его перед собой. От рукоятки отделяются серебряные крылья, ощущают потоки смешанной с воздухом сущности. На крестовине обнажается глаз, он открывается, и Веспер смотрит прямо на него.

Легко улыбается и делает шаг вслед за Покорностью.

Ни одна из них не падает.

Одна ступает изящно, другая шагает со спокойной уверенностью.

Когда они доходят до верхней ступени, Веспер хмурится. Глаз на мече не закрылся, а, наоборот, широко раскрылся и стал встревоженно смотреть ей за спину. Она отваживается обернуться, но видит лишь стену огромного куба и два солнца над ним.

Вскоре она выкидывает тревоги из головы, ибо все взгляды Сияющего Града направлены на нее. Когда она заговорит, они будут слушать. И, по ее требованию, каждое ее слово будет передано во все уголки того, что осталось от Империи, по встроенным в голову чипам, через гонцов, торговцев и агентурные сети, находящиеся в распоряжении Линз.

Ее собственный чип транслирует речь ей в голову. Она знает, что сказать, но, как говорит Покорность, ушам слышны лишь слова. Ее задача — завоевать их сердца.

Прежде чем начать, она оглядывается в поисках поддержки — последнего заряда уверенности.

Веспер находит ее в янтарных глазах, смотрящих на нее на пару ступеней ниже. В броне отец выглядит странно. Хотя его и нарядили в соответствии с городским этикетом, он явно выделяется, ему неуютно. Несмотря на все оказываемые ему почести, она знает, что он с большей радостью остался бы дома, ухаживал за козами и возводил бы недолговечные пристройки к дому.

Эти мысли вызывают у нее улыбку. Она удивлена тому, что он пришел, и рада, что он здесь.

Отец улыбается в ответ.

Этого достаточно.

Она делает глубокий вдох и, перехватывая рукоятку меча, начинает речь.

— Война с инферналями закончилась десять лет назад. Разлом запечатан. Но раны того времени будут напоминать о себе. — На мгновение она замолкает, пытаясь обнаружить хоть какую-нибудь реакцию. Ее нет. — Юг был опустошен войной. Когда появились первые демоны, люди просили Сияющий Град о помощи, но мы ничего не сделали. Снова и снова они зывали к нам. Снова и снова мы бездействовали. Пришло время это исправить.

Некоторые наши колонии, такие как Сонорус, считали, что Империя их бросила, и поэтому они нас покинули. И у них было полное право злиться, поскольку мы их подвели, когда они больше всего в нас нуждались.

Теперь Сонорус для нас потерян так же, как потеряна для нас южная часть Империи. Но мы еще можем восстановить давние связи и искупить свою вину. Им больше не нужны наши мечи, зато им нужна наша помощь.

Как вы знаете, мир был вынужден измениться. За морем появились новые силы — люди, демоны, полукровки и самые причудливые помеси всех этих видов. Некоторые из них сражались со мной против худших порождений Разлома.

Вesper окидывает взглядом сотни смотрящих на нее лиц, и ее уверенность испаряется с каждой секундой. Лишь отец подбадривающе кивает в ответ на ее слова. Остальные во всем своем множестве даже не шевелятся, и их лица ничего не выражают. Согласны ли они с тем, что она говорит? Они вообще ее понимают?

— Мы больше не можем считать инферналей нашими врагами. Некоторые из них действительно враждебны, но не все. И некоторые из них протягивают нам руку, предлагая мир.

В Новом Горизонте наших людей превращали в рабов, и освободила их не мощь Империи. Их освободил инферналь. Не Империя кормила, одевала и ухаживала за их ранами — это делал инферналь.

Я вновь отправляюсь на юг, чтобы навестить наших — чужих — людей. Но я не собираюсь вставать во главе армии, я пойду туда как друг.

Если мы хотим найти свое место в мире, то нам также необходимо измениться. Мы должны найти новый путь. Для этого я организовала собрание величайших вождей этой эпохи. Вместе мы найдем способ сотрудничать и

сосуществовать. Оставим прошлое позади и создадим лучшее будущее для наших родных и друзей вместе.

Когда она заканчивает, не раздаются никаких аплодисментов, никакого намека на то, что толпа ее услышала.

Отец улыбается и щурит глаза от гордости.

Она думает, не отойти ли от сценария и не сказать ли еще что-нибудь, найти какой-либо способ достучаться до людей за бесчисленными непроницаемыми масками, добиться хоть какой-то реакции.

Меч в ее руках начинает гудеть.

Она бросает на него взгляд.

Он смотрит мимо нее, наверх.

Как и Покорность, отец и толпа.

Веспер вздрагивает: с неба на нее падают удлиняющиеся двойные тени. Между ней и солнцами, красным и золотым, движется что-то огромное.

Осознав, что происходит, собравшиеся дружно падают на колени, подобно волне костяшек домино.

Веспер нет нужды оборачиваться, чтобы понять, что происходит.

Но она все равно оборачивается.

Святылище Семи, куб сверкающего металла в милю шириной, поднимается еще выше. Медленно поворачиваясь по мере восхождения, закрывает солнца собой.

Все в смятении наблюдают за подъемом, ошеломленно раскрыв рты.

Из-под куба выглядывает сияющая кроваво-красная кривая, затем показывается вторая, золотая. Облака расходятся задолго до того, как куб их достигает, и кажется, что они почтительно перед ним расступаются.

Куб поднимается все выше.

Никто не осмеливается отвести взгляда. На кончике языка вертятся немые вопросы. Что это значит? Это знак триумфального возвращения Семи или намека на то, что худшее еще впереди?

Подобно шарик у невидимой веревочке, необъятный куб продолжает подниматься прямо в небо, а затем уменьшается и становится серебряной луной посреди звезд.

Когда остается видна лишь сияющая точка на небе, внимание вновь переводится на верхние ступени. Веспер смотрит на океан лиц, облизывает внезапно пересохшие губы. Она понятия не имеет, что говорить. Чип не передает заранее заготовленной речи, и у нее нет понимания действий Семи.

Мучительно медленно тянутся секунды.

На лбу у Веспер проступает капелька пота и скатывается к уху.

Отец ей кивает, затем, через мгновение, поднимает брови и трижды вращает рукой.

Она открывает рот, делает вдох... а затем заговаривает Покорность.

— Люди Империи, услышьте меня. Ибо сегодня действительно великий день. Хранительница стоит перед нами и просит нас восстать, чтобы решить предстоящие трудности. И узрите! Семеро восстали, вдохновляя Своих людей. Ибо Они наблюдают за нами, и Они ожидают от нас лучшего. Мы не можем Их разочаровать. Идите, возвращайтесь к своим обязанностям и несите слово Хранительницы с собой, а благость Семи — в своих сердцах, и помните, что Они наблюдают.

Ровными рядами толпа расходится. В ритмичных шагах чувствуется рвение.

Покорность поворачивается к Веспер.

— Кажется, Семеро более не желают, чтобы ты несла эту ношу одна.

— Это правда,— отвечает она, вынужденно улыбаясь.— Нам очень повезло.

Но меч в ее руках думает иначе, все еще пристально сверля небо тревожным взглядом.

* * *

Веспер встречает своего отца на окраине Сияющего Града. Впервые, после того как она пять лет назад вернулась из важного путешествия, они остаются наедине. У нее не сразу получается сопоставить того человека, что стоит перед ней, с образом в ее голове. Янтарные глаза остались теми же, но такое ощущение, что их переставили в другое, более молодое лицо. Прежде длинные волосы теперь коротко острижены, щетины больше нет. Хоть воротник и ослаблен, его одежда сидит идеально, а на плечах выткан знак принадлежности Крылатому Оку. Позаботились и о шрамах на голове. Они все еще видны у линии роста волос, но уже не так отчетливо. А еще он поправился.

— Ничего себе,— говорит она.

Он делает шаг вперед, и Веспер не замечает ни малейшего признака хромоты, а потом он ее обнимает и поднимает над землей, как делал раньше, в ее детстве.

На несколько волшебных мгновений все горести мира забываются, оставаясь за пределами объятий отца. Она горячо обнимает его в ответ.

Вдруг она подскакивает от почти человеческого крика. Его издает тот, кто также ждал, когда она вернется из города. Веспер расцветает. Козленок подросток, превратился в большого козла — и теперь, вместо того чтобы, как прежде, неистово носиться, горделиво гарцует. Если блевание козленка было милым и очаровательным, то издаваемые козлом звуки наводят ужас. Иногда это крик, иногда — практически вопль, не совсем козлиный, но и не до конца человеческий. Станный, страшный, не похожий ни на что звук. Лишь одна Веспер находит его чудесным.

Козел незамедлительно бросается к ней, у него уже текут слюнки.

Она не разочаровывает и сует ему в рот толстый жилистый побег.

— Ты сегодня великолепно выглядишь.

У козла загораются глаза, но непонятно — от еды или от комплимента. Челюсти принимаются за работу, и побег негодуяще пищит. Веспер хихикает и треплет его за ухо. Козел скулит, и она медленно убирает руку назад, пока не нащупывает пальцами порванный край правого уха.

— И не волнуйся, я поговорю с этой тварью, когда мы вернемся домой. Она больше тебя не укусит.

Козел смотрит на нее с несчастным видом.

Веспер отправляется в путь. Она разговаривает с отцом, размахивая руками, а козел, жуя, радостно скачет рядом. У нее за спиной, раскрыв глаз, висит меч, и пристально всматривается вдаль.

— То есть ты правда считаешь, что это была хорошая речь?

Отец кивает.

— Знаю, я спрашиваю тебя об этом уже в сотый раз, просто...

Он кладет ладонь ей на руку.

— Спасибо. А как ты думаешь, что значит возвращение Семи?

Отец пожимает плечами.

— Покорность говорит, что это знак их расположения. По крайней мере она приказала Рыцарю-Командору так всем говорить. Я вот не уверена. Когда я посмотрела наверх, то не почувствовала надежды, я ощутила... страх.

Отец хмурится и ничего не говорит.

Приближаясь к холму, Веспер замедляет ход. Она думала, что будет радоваться или, по крайней мере, немного волноваться, но на самом деле ей не хочется туда идти.

Десять лет прошло с тех пор, как она запечатала Разлом. Десять лет обновления, попыток возродить хотя бы что-то, что было потеряно во время войны с инферналями. За это время она выросла. Хотя Империя Крылатого Ока и поклоняется Семерым, эти бессмертные молчали с тех пор, как она родилась. Ее приказы, отдаваемые от Их имени, ныне являются тем орудием, которое создает будущее.

Последние пять лет она путешествовала по миру со своими рыцарями, Орденом Сломанных Клинков, встре-

чалась с демонами, полукровками и людьми — руководителями всех мастей, которых объединили неудачи и лишения. Не все эти встречи были приятными, но при помощи уговоров, искренней вовлеченности и, когда необходимо, демонстрации силы ей удалось установить с большинством из них рабочие отношения.

Успех дома и за его пределами достигается медленно, но она уже близка, так близка к осуществлению своей мечты. И все же, вернувшись сюда, она чувствует, как ощущение триумфа угасает. Она долго отсутствовала и пренебрегала домашними делами, двигаясь к великой цели. Теперь ей предстоит встретиться с ними лицом к лицу.

Веспер чувствует, как что-то сдавливает ей плечо, поворачивается и видит обернувшееся вокруг него серебряное крылышко. Она ласково его гладит и улыбается.

Чем ближе она к дому, тем короче становится трава — видно, что здесь хорошо поработали козы. Они усеивают весь пейзаж — матово-белые и пестро-бурые точки на фоне зеленых лугов, маленькие и большие, почти двадцать поколений. Было время, когда Веспер знала каждую козу по имени. Это время осталось далеко в прошлом.

В поле зрения показываются два здания. Она восхищенно останавливается — так они изменились. Первое здание, дом, в котором она выросла, тоже вырос. Сбоку от него появилась кривобокая пристройка. Очевидно, что это не дело рук имперских инженеров. Каждый кирпич — плод ручного труда. Но в глазах у Веспер эти недостатки лишь добавляют очарования.

Она поворачивается к отцу.

— А ты не сидел сложа руки.

Он бросает взгляд на свое детище, затем вновь в смущении отворачивается и заходит в дом. Веспер не идет следом. Она еще не готова встретиться с тем, что ее там ожидает, пока надо немного погодить.

Второе здание, поменьше, служит складом и хлевом. Веспер направляется к нему, и козел сбавляет ход, все увеличивая расстояние между ними.

Внутри темно и душно от затхлости и застарелых запахов. Веспер вглядывается в тени, пока не различает в углу фигуру.

Хлопает ладонями по бедрам.

— Просыпайся, несчастная.

Медленно поднимается голова, дрожа на тощей шее. Темные глаза уже не столь остры, как прежде, но в них плещется точно такая же ненависть, как и всегда.

— Значит так, мне совершенно плевать, сколько тебе лет, но если ты не прекратишь кусаться, на жаркое тебя пустим, ясно?

Коза презрительно щурится.

— И на этот раз я не шучу.— Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, Веспер грозит ей пальцем, а затем открывает сумку.— Но я принесла тебе вот это. Не знаю, зачем я вообще старалась, неблагодарная ты зверюга.

Веспер протягивает козе полоску кожи и гладит ее по голове. Коза обнюхивает подношение и начинает его жевать, изо всех сил делая вид, что не замечает ласки.

Девушка возвращается к дому и останавливается у двери. Поднимает руку, чтобы постучать, но неуверенно

останавливается. Слышит доносящиеся изнутри звуки. Взрослые разговаривают, их голоса перебивает более высокий и юный голос. Крик? Это игра или спор?

У Веспер сжимается желудок, а рука остается висеть в воздухе.

За спиной открывается глаз, и крыло вновь сдавливает ей плечо. Даже не оборачиваясь, Веспер ощущает безмолвную поддержку меча.

— Ладно, — бурчит она. — Иду.

Стучит один раз — тихо, чтобы ее не услышали. Меч хмурится, и крыло сильнее сжимает плечо. Веспер стучит второй раз, уже громче.

С той стороны звуки затихают.

Она делает глубокий вдох, медленно выдыхает, открывает дверь и заходит внутрь.

Веспер быстро проходит по коридору. Со щемящей тоской смотрит на расставленные вокруг вещи, навевающие детские воспоминания, которые на поверку оказываются неточными. Шкафы не тех цветов, на стенах видна работа времени, и все кажется меньше, чем ей помнится.

Кроме кухни. Здесь пробили одну из стен, чтобы появилось место для нового стола, из-за которого на нее изумленно таращатся четыре лица.

Она машет и неловко улыбается.

— Привет.

Как один, они поднимаются, чтобы ее поприветствовать.

Сложно понять, кому первому уделить внимание. Прежде чем ей удастся это решить, Джем вскакивает на

ноги и подходит к ней. Прижимается, целует ее, обнимает за плечи, руками чувствуя сопротивление меча.

Она едва успевает ощутить поцелуй или обрадоваться ему, как ее отстраняют.

Они изучают друг друга, замечая мелкие изменения. Они теперь одного роста, но она кажется выше, так как держится прямо, тогда как он сутулится. Его глаза остры, как и всегда, но под ними пролегли тени, свидетельство бессонных ночей. Плотное питание смягчило его черты, но улыбка осталась такой же дикой.

Глядя на его лицо, она не может сказать, агрессивная это улыбка или нет.

Не успевает один из них заговорить, как вмешивается другой голос.

— Веспер, это ты?

К ней осторожно тянется дядя Вред. Она сжимает его руку.

— Это я.

Они обнимаются, и пальцы Вреда ощупывают ее лицо, проносятся по щекам, переносице и лбу. Он довольно кивает.

— Новых шрамов нет. Это хорошо.

— Могу сказать то же самое о тебе.

Он хмыкает.

— Хорошо, что ты дома.

Вред изменился меньше остальных. Несколько морщин, причиной которых постоянный смех, несколько белых волосков. Радуюсь такому положению вещей, Веспер поворачивается к отцу и маленькой девочке рядом с ним.

Смотрит вниз.

Маленькое личико смотрит в ответ.

Темные кудряшки обрамляют распухшие глаза и грустно искривившиеся губы. Кожа девочки темнее, чем у Веспер, но светлее, чем у Джема. За прошедшие годы покрывающие ее тело спиральные полосы стали более отчетливыми, хотя Веспер надеялась, что будет наоборот. Именно поэтому ее дочь не подпускали к Сияющему Граду. Люди Империи Крылатого Ока не готовы мириться с настолько очевидными проявлениями скверны, даже такими незаметными. Мысленно она клянется, что изменит это.

Девочка нервно смотрит на отца Веспер.

— Привет, Рила,— произносит Веспер.— Это я, твоя мама. Я вернулась.

Наступает пауза. Отец успокаивающе кивает девочке и аккуратно подталкивает ее к Веспер.

Веспер опускается на колени и раскрывает руки.

— Все в порядке, я не кусаюсь.

Девочка идет вперед и дает матери себя обнять. Веспер задумывается: может, все не так плохо, как она боялась.

Всех передергивает — Рила начинает вопить. Вывернувшись и поднырнув под рукой Веспер, она уносится прочь. Крик взлетает по лестнице и затихает после хлопка двери наверху.

Веспер говорит в течение нескольких минут, разговором о важных вещах отгоняя мысль о том, что ее ребенок ее не принял. Постепенно она начинает воодушевленно размахивать руками. Трое

мужчин слушают ее, сидя за столом: ее отец, ее дядя и ее возлюбленный.

Рила остается наверху. Иногда можно услышать, как она с визгами прыгает по комнате. Треск досок и звонкий смех становятся все громче.

Веспер пытается не обращать внимания, но ее правый глаз дергается в ответ на каждый новый звук.

— А это значит, — заключает Веспер, — что у нас будет место, где мы сможем встречаться и решать задачи, но, помимо того, мы научимся жить по-новому и, вместо того чтобы сразу затевать драку, будем начинать обсуждения и вести переговоры. — Очередной стук сверху заставляет ее поморщиться. — Где такие же дети, как Рила, смогут расти, не зная страха. — Она замолкает, но никто из мужчин не нарушает тишину. — Что думаете?

Она смотрит на каждого по очереди. Лицо Вреда выражает сложную гамму чувств — на нем поддержка переплетается с тревогой. Отец хмуро сверлит взглядом стол. Джем просто бесится.

Несколько ударов и окрик с небес не слишком-то снижают градус напряжения.

Вред наклоняется вперед и мягко говорит:

— Думаю, твоя задумка — это очень смелый ход.

— Но?

— Но я не уверен, что Империя к этому готова. Ты думала о том, как это навредит Риле?

Веспер качает головой.

— Я это делаю для Рилы и таких, как она. Она не должна прятаться в тени только потому, что Империя слишком узколоба, чтобы принять изменения!

— Согласен, но ты рискуешь превратить ее в мишень.

— Но, дядя, когда ты прибыл в Сияющий Град, ты не прятался.

Вред печально улыбается.

— Это так, но я пришел по своей воле, и я знал, на что иду. И меня не принимали, пока не очистили от скверны, но даже сейчас на меня налагается обязательство жить за пределами Сияющего Града.

— Так не должно быть. Я собираюсь это исправить.

— Люди Империи до сих пор следовали за тобой, потому что ты действовала постепенно, но вздумай ты напрямую отрицать закон Семерых... для нас для всех это боком выйдет.

Наступает неловкое молчание. Отец Веспер продолжает хмуро смотреть на стол.

— Мы видели, как поднимается куб,— произносит Джем.— Семеро что-нибудь сделали?

— Нет. Они просто улетели — может быть, в космос? Я не знаю, и, если честно, мне плевать. Мы и так ждали их достаточно долго.

— Что ты собираешься делать теперь?

Она озадаченно смотрит на него.

— То же, что собиралась делать и прежде. Если Семеро решат нам помочь, то, возможно, я вернусь и буду жить здесь. Пока этого не случилось, Империя нуждается в нас.

Джем сглатывает.

— Но... ты не боишься?

Она наклоняется ближе и берет его за руку.

— Разумеется, боюсь. Но это меня не остановит.

— Нас,— добавляет Вред.— Это не остановит нас. Мы вместе. Семья.

— Рада слышать. На самом деле это такое облегчение. Вряд ли мой план сработает без вас.

Вред улыбается.

— Звучит жутко.

Она улыбается в ответ.

— Я хочу, чтобы здесь вы направляли людей, точно так же, как вы направляли меня.

— Да какой из меня наставник!

— Да, но мне и не нужен наставник. Мне нужен кто-то, кто сможет им рассказать о жизни за морем. И я хочу, чтобы вы помогли им понять, что не все инферналы одинаковы. Именно об этом я и говорила в своей речи, но не думаю, что они понимают. Это слишком смело.

Вред задумчиво кивает.

— Будет непросто, но ничего, есть у меня кое-какие соображения. Толкну им парочку бак про то, где меня носило да что со мною бывало.

— Да, расскажи им о Вердигресе и о Жестокой Судьбе.

— Ладно.

— О, а еще расскажи им об узурпетах и какую роль они там играют.

— Расскажу.

— А еще...

Вред смеется, и Веспер тут же присоединяется к нему. Затем они начинают вспоминать старые времена, накидывая друг другу имена. Веспер не замечает, как Джем выскальзывает из-за стола в другой конец кухни, чтобы

налить себе чего-нибудь покрепче. Отец задремывает, и его глаза постепенно закрываются.

— А насчет Рилы — это ты не беспокойся, — добавляет Вред. — Обычно она так не безобразничает.

— Как-то это меня не очень утешает.

— Она привыкнет.

— Я... была как она? Расскажи, как было.

Вред качает головой.

— Нет, с тобой было проще. Но не волнуйся, у нее это пройдет. Думаю, она просто по тебе соскучилась.

— Забавный у нее способ это показывать.

— От любви люди порой каких только штук не выкидывают... — Он вежливо кашляет. — В толк не возьму, откуда Рила такого понабралась!

Джем прочищает горло, уже наполовину опустошив стакан.

— Когда ты уходишь?

— Скоро.

— И как долго тебя не будет на этот раз?

— Не знаю.

— Месяц? Шесть месяцев? — Его нижняя губа кривится. — Год? Еще пять лет?

— Я сказала, я не знаю.

— Вред прав, ты точно подвергнешь нас опасности. Сияющий Град нас ненавидит.

— Это бред.

— Именно поэтому Линзы за нами шпионят? Они, скорее всего, прослушивают нас прямо сейчас.

— Линзам нужно следить за целым миром. Да они едва ли знают о твоём существовании!

Джем осушает стакан и поднимается.

— Знакомые слова.

— Ты куда?

— Никуда. Если поменяешь решение, присоединяйся.

Веспер смаргивает слезы.

— Я должна это сделать, как ты не понимаешь?

— Да,— горько отвечает Джем.— Я понимаю.

Он выходит из кухни. Вскоре яростно хлопает входная дверь.

Ритмичный топот наверху обрывается громким ударом, короткой паузой, а затем пронзительным непрекращающимся плачем.

Отец Веспер смотрит в сторону источника звука, затем переводит взгляд на Веспер.

Она закрывает лицо руками.

— Не сейчас... не могу.

Вздохнув, ее отец поднимается, коротко касается руки Вреда, обходит стол, дотрагивается до плеча Веспер и уходит.

Они слышат шаги по скрипучим ступеням, звук открывающейся и закрывающейся двери. Плач становится приглушенным, перемещается слева направо и постепенно затихает.

В наступившей тишине Вред произносит:

— Почему ты к ней не идешь? Она же по тебе соскучилась.

— Ладно. Но потом мне надо будет поговорить с Джемом, пока ничто не отвлекает. Мне нужно кое-что сказать ему наедине.

— Удачи.

Она поднимается по лестнице, мрачно кивая Вреду.
— Спасибо.

Почему-то необходимость успокаивать дочь изматывает ее куда сильнее, чем управление Империей. Вечер с радостью отдает Рилу отцу и выходит из дома.

Джема она находит у подножия холма. Он смотрит на Сияющий Град, и она вспоминает, как сама в свое время занималась тем же самым.

— Ну, поехали,— бормочет она мечу и потихоньку спускается вниз, пока не оказывается рядом.

— Привет. Не против, если я рядом постою?

Он сердито пожимает плечами.

— Послушай,— говорит она, снимая меч из-за спины и кладя его на землю.— Мне жаль, что меня не было рядом.

На его лице появляется виноватое выражение, и Джем опадает, как будто из него выкачали воздух.

— Ох, Весп, прости за то, что я там наговорил. С тех пор как мы узнали, что ты вернулась в Сияющий Град, я ждал, что ты придешь домой, и каждый раз не мог понять, почему тебя нет. Твердил себе, что ты появишься завтра или на следующий день, и ждал, что мы снова будем вместе. Верить — нет, но я очень радовался. Строил планы, чем мы могли бы заняться.

А когда ты все-таки появилась, то сказала, что скоро опять уйдешь — едва вернувшись. Еще одно долгое путешествие за море. Я не мог поверить. И сорвался.— Он криво улыбается.— Но, полагаю, это ты поняла.

Она улыбается в ответ.

— Я догадалась.

— Меньше всего мне бы хотелось вновь тебя оттолкнуть.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Он кивает, и его лицо наконец полностью расслабляется.

— Может, начнем заново? — спрашивает она.— Представим, что я только что вернулась.

— Давай.

Они беседуют, иногда соприкасаясь пальцами, проговаривают то, что их задело, пытаются нащупать верные решения. Когда солнца начинают садиться, разговор дается легче. Когда они вспоминают первые дни, проведенные вместе, то, разумеется, на них накатывает ностальгия. Они искренне смеются, и тут взгляд Джема становится серьезным.

— Я скучал.

— Я тоже.

— Ненавижу портить момент, — произносит Джем, — но нам нужно поговорить о Риле.

— Ладно. Сегодня с ней было трудно. Она всегда такая горластая?

— Да. Но это не ее вина, а твоего отца.

— Как это так?

— Во-первых, он слишком ее балует, а во-вторых, он спустит ей с рук и убийство. Если она надоедает или что-то ломает и я ее ругаю, он просто берет ее на руки и обнимает. Это серьезно подрывает мое положение. И он смотрит на меня этим своим взглядом, понимаешь, о чем я?

Она вздыхает.

— Понимаю, о чем ты.

— Как будто это я провинился.

— Ты пытался говорить с дядей Вредом?

— Да, но он ничем не лучше твоего отца. По большей части поведение Рилы его забавляет. Они потакают ее выходкам и не позволяют мне с ней разобраться.

— Я поговорю с ними перед уходом, хорошо?

— Хорошо. Спасибо. Смотри, темнеет. Наверное, нам лучше вернуться в дом.

— Давай останемся еще ненадолго.

— Холодно.

Она берет его за руки.

— Но я ведь теплая, забыл?

В глазах у Джема загорается уже иная искра.

— Думаю, ты права, но прошло много времени. Мне нужно хорошенько напомнить.

Вечер подходит ближе, скользит руками по его талии, целует его. Его ледяной нос упирается в ее теплую щеку, его руки останавливаются на ее бедрах.

Она вновь его целует, плотнее притягивая к себе.

Оказывается, что Джемю не нужно никакого напоминания. В сущности, память служит ему верную службу. Несмотря на это или, вероятно, как раз поэтому они остаются там еще долго после захода солнца.

Глава вторая

На следующий день Веспер уходит. Отец наблюдает за тем, как она шагает к берегу, а рядом с ней — козел и ее личная стража рыцарей-серафимов, Орден Сломанных Клинков. Каждый из них предан Веспер, каждый находится в личном долгу перед ней. Их броня сияет на солнце, а гордость оттачивает движения.

Когда они становятся точкой на горизонте, он продолжает стоять, и даже когда эта точка полностью исчезает, он продолжает стоять.

Наконец, когда даже воспоминание о ней стирается, он вздыхает и возвращается в дом.

Сияющий Град возобновляет свою работу, его жители возвращаются к назначенным им делам. Но что-то изменилось, и даже в самых простых действиях теперь проскальзывает возбуждение. Статуи-близнецы Диады, что располагаются по обеим сторонам южной дороги, теперь очищены от грязи. Запущенные сады, что вьются вокруг платиновых столпов, вновь подровнены и приведены в порядок.

Начищены в очередной раз пуговицы, сильнее напряжены тела, распираемые тревогами и восторгом, что подпитывают их на пути к идеалу.

Не сговариваясь открыто, хоры детей собираются на дополнительные службы. Оруженосцы, тренируясь, еще суровее корят себя за каждую оплошность, а рыцари-наставники еще жестче их наказывают.

Спокойно течет работа, шепотом высказываются всевозможные предположения, и так проходят несколько дней.

Как и многие жители Сияющего Града, Рыцарь-Командор большую часть свободного времени проводит, устремив взгляд в небо. Иногда, по ночам, ему кажется, будто он видит святилище Семи, что стало новой звездой на небосклоне. Пока Хранительница меча Гаммы находится в далеком путешествии, а Покорность пребывает в молчаливой медитации вне пределов его досягаемости, именно на него возлагается обязанность подготовить Империю к тому, что ее ждет дальше.

То, что грядет какое-то изменение,— неоспоримо. Ему нравится думать, что возвращение Семи — это награда за их хорошую работу, что наконец он и его люди вновь заслужили благословение своих бессмертных стражей. Он делает все, чтобы подтвердить эту заслугу, и призывает людей работать больше, быть лучше, чем когда-либо прежде. Каждый день Сияющий Град держит себя, будто на параде, жители одеваются в самые нарядные облачения, целеустремленно движутся

по сверкающим коридорам. Отдраен каждый уголок, вылизана каждая деталь, и всем, кто не соответствует высоким ожиданиям Рыцаря-Командора, поручаются задания, которые позволяют им держаться подальше от его взгляда.

Когда наконец звучит призыв, он готов, его броня начищена, а резервный взвод офицеров ждет его приказа, каким бы он ни был.

Линии света очерчивают в воздухе знакомый облик: перед ним возникает проекция Покорности. Несмотря на значимость этого события, выглядит она вполне повседневно, но он и не ожидает от нее каких-то изменений. Покорность ежедневно общается с Семерыми. Ее жизнь превратилась в цепочку исключительных происшествий, связанных друг с другом короткими паузами сна. То, что для них — чудо, для нее — обыденность.

— Здравствуй, Рыцарь-Командор.

Он ей салютует.

— Приветствую, Покорность.

— Не будь столь серьезен, старый друг. Возрадуйся. Ибо мы живем в славные времена. Семеро заговорили, Их свет вновь освещает нас, и мы были избраны орудием освобождения.

— Как я могу служить?

— Тебе предстоит снарядить флот во Их удовольствие и подготовить небесный дворец Альфы для путешествия. Собери их на южном побережье, на Грейспот-3.

— С вашего позволения, Грейспот-3 — это гражданский порт со сложным прошлым. Для такого исторического события лучше подойдет Скайлэндинг.

Она отвечает не сразу, и он не знает, размышляет она над его словами или просто плохо слышит из-за помех.

— Ты неправильно меня понял, Рыцарь-Командор. Это приказ, а не совет. В любом случае святилище уже начало снижение, а Альфа — полет. Пока мы разговариваем, Он приближается к тебе. Я рассчитываю, что к Его прибытию все будет готово.

— Он будет здесь? Сейчас? Не понимаю, как...

Но ее изображение уже погасло. Ругаясь, Рыцарь-Командор моргает, чтобы избавиться от отпечатка сияющей картинке на сетчатке, и отрывисто начинает отдавать приказы.

* * *

Через несколько минут Рыцарь-Командор уже стоит у подножия серебряных ступеней. Где-то высоко наверху находится святилище Семи, а между ним и землей сквозь эфир проносится Альфа.

Чтобы сюда добраться, Рыцарю-Командору пришлось перейти на бег, и теперь под броней он обливается потом. Позади него поспешно сформировалась линия рыцарей-серафимов, а несколько шеренг солдат мчатся занять свои места позади них. Он слышит последний громкий шаг, щелчок брони, и люди готовы. Наступает тишина.

Стоя идеально ровными рядами, они наблюдают за небом, чтобы не упустить первый знак прибытия Альфы.

Хоть Рыцарь-Командор и не движется, он шевелит губами, отдавая приказы по комму, координируя

